

Великой Победе 65. Сугубо штатский человек.

Опубликовано пн, 23/08/2010 - 02:01 пользователем Гость (не проверено)

✘ Этого человека я знаю более десяти лет. Седой, сухощавый, очень подвижный, Василий Николаевич выглядит намного моложе своих лет. Он всегда в деле, всегда чем-то занят: с весны до поздней осени в саду, зимой, только засветится рассвет, идет на озеро с нехитрым рыбацким снаряжением. А иногда поутру просто провожает в школу двух мальчишек. За перекрестком он останавливается и смотрит им вслед, пока те не скроются из виду. Как-то я заметил соседа: "Василий Николаевич, хорошо вашим внукам - утром проводите, днем накормите, присмотрите. Он усмехнулся и, пригладив ладонью густой седой ёжик, ответил: "Внуки мои выросли, а это уже правнуки".

Насколько же удалилась по времени от нас последняя война – выросли дети, внуки, растут правнуки у тех, принявших на свои плечи тяжкую и героическую ношу, отстоявших право на жизнь, на мир, и не только для себя, а для многих народов планеты. И всё же, как это близко нам сегодня, сорок лет спустя, тем, ради кого были пережиты все тяготы военного лихолетья. Это и сегодня больно вспомнить тому, кого мы называем ветеранами, кто остался жив, выполнив свой долг перед Родиной. Но и сейчас, каждый из них считает себя в долгу перед памятью павших товарищей. И в беседах с любым из участников Отечественной войны оживают образы оставшихся на полях кровопролитных сражений и звучат-звучат их имена. Ветераны всё время подчёркивают заслуги и человеческие качества своих погибших однополчан, считая их храбрее, лучше и достойнее. Наверное, так оно и есть.

Василий Николаевич Миляев, прошедший путь от Ржева до Берлина, награжденный орденом "Красной звезды", медалями "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина", "За победу над Германией", во время нашего разговора тоже вспоминал тех, кто остался на всём протяжении длинной военной дороги, которой прошёл он сам.

В то раннее предрассветное утро проклятого воскресенья, когда война уже ломала наши границы, уже переиначивала людские судьбы и делила жизнь поколения на мирное довоенное прошлое и военное настоящее, тогда, в шесть утра, Василий Николаевич Миляев, работник планового отдела Кыштымского графитно-корундового комбината, тридцати шести лет от роду, женатый, имеющий трех дочерей: тринадцати, одиннадцати и двух лет, шёл через железнодорожные пути на комбинат за обещанной лошадьё. Нужно было вывезти заранее заготовленные дрова.

– Меня удивило, что на путях стоит столько эшелонов – и у всех часовые. Я перебираюсь через тормозные площадки, солдаты хмурятся, но ничего не говорят. Я подумал, опять каких-нибудь приписников на учения собрали ...

А были это не учения – на узловых станциях формировались эшелоны, куда грузились кадровые дивизии с Урала. Им предстояло отправиться туда, где уже полыхали пожарища, уже умирали люди, уже катился по земле всепожирающий вал войны.

– О войне узнал я от соседа. Я как подъехал, он кричит мне из окна: "Василий Николаевич, у

нас новость страшная – немец на нас наскочил!" Домой захожу, жена с дочками ревут, младшая ещё ничего не понимает – под ногами вертится, лопочет что-то по-своему. Я жену успокаиваю, говорю: "Ну, что ты, кому я сейчас нужен, ни одного дня на службе не был. Чего ты раньше времени орёшь, солдат-то я никакой". Да, в армии он, несмотря на солидный возраст, не был, но пришло страшное время, и общее несчастье сделало солдатами всех, в ком нуждалась страна.

А жизнь шла своим чередом. На Урале устанавливалось непростое житьё-бытьё тыла. И здесь было не сладко: введена карточная система – полбуханки хлеба на рот в день, работали уже по двенадцать часов, а защитного цвета теплушки всё возили и возили мужчин на запад.

– Тридцать первого августа, в воскресенье, у нас на комбинате был субботник по отгрузке продукции. Уработались так, что еле ноги держали, и всё же хотел помыться и встретить своих: жена с соседкой и старшей дочерью ушли бруснику собирать.

Я хотел им помочь – ведра-то тяжело тащить. Прихожу домой, а на столе повестка: «Прибыть с вещами к двум часам на станцию». Дело к ночи, я в военкомат, говорю, жены дома нет, нельзя ли утром выехать? А дежурный мне: "Ты что, сдурел! Знаешь, что по законам военного времени за такое полагается!". Я бегом домой, подхожу, слава богу, мои тянутся. Я к ним, ведра забрал, донес. Только в дом зашли, я, мол так и так. Лена – это супруга моя, собирайте, мол, в дорогу. Тут опять слёзы, а в ночь я уже вместе с соседом, что про войну мне сказал, выехал в Челябинск...

Василий Николаевич поморгал глазами, взмахнул рукавом, незастёгнутым на запястье, словно отогнал непрошенную слезу давнего расставания.

– В Челябинске на вокзале достали из вещмешка чекушку, хлеб. Я говорил жене: "Не клади, завтра уже на полбулки меньше получишь, а я буду в армии, голодом не оставят". А она все же сунула. Брусничкой закусили, на душе погано, кошки скребут, у соседа тоже двое осталось, вроде выпили – и никаких, как не бывало.

Направление Василий Николаевич получил в Курган. Приехал, пришёл в приемный пункт. Пункт располагался в церкви, зашёл к подполковнику Николаеву, как было написано в направлении, тот повертел бумажку и отправил Василия Николаевича: "Не к нам". Постоял он на паперти, ловил офицеров и показывал документ, в конпе-концов один махнул в нужную сторону и скрылся в дверях, откуда вышел Василий Николаевич. Точно, там был другой подполковник Николаев, он и направил Миляева во вновь формирующуюся 365 стрелковую дивизию, в которой из двенадцати тысяч человек только пятьдесят были кадровые военные, да и те – после ранений, полученных в первые дни войны, остальные запасные – мирные люди с разных концов Урала.

– Позднее наша дивизия Могилёв брала и стала называться "Могилёвской". Меня тогда в ней уже не было...

Тринадцатого октября сорок первого Василий Николаевич прибыл на фронт. Поначалу дивизию бросили под Тихвин, но его наши войска вернули в тех страшных боях, от которых зависела судьба зажатого в тиски блокады Ленинграда. Дивизия отсидела несколько суток в наспех вырытых, наполненных снежно-торфяной жижей окопах. Но изменилась обстановка, и её срочно перебросили под Ржев.

– Через месяц боёв у нас осталось около двух тысяч личного состава, из них всего человек пятьсот – из первого эшелона. Тогда же погибли первый командир дивизии Фесенко Гавриил

Иванович и комиссар Кукин Николай Петрович, до последней минуты жизни не забуду, какой душевный был человек, настоящий коммунист. Так он к нам, приписникам, по-доброму относился, всё переживал, что не обучены мы как следует. «Он» (противник), тогда нас пополам разрезал, и штаб погиб вместе с окружёнными частями. Тылы наши потерялись, Мы тоже в полуокружении, приходилось есть мерзлую конину, хорошо ещё бабы из сгоревших деревень нас поддерживали, как могли: давали нам рожь немолотую, картошку и, самое главное, соль. Где они её брали – ума не приложу. Можно сказать, от детей своих отрывали последнее, а нас поддерживали...

«Братья, в этой войне

Мы различья не знали:

Те, что живы, что пали,-

Были мы наравне.

Я убит подо Ржевом,

Тот ещё под Москвой,

Где вы воины, где вы,

Кто остался живой".

А кто остался жив в той дивизии, были отправлены на переформирование, и осенью сорок второго теперь уже старший лейтенант Миляев Василий Николаевич назначен начфином в 196-ую танковую бригаду, вместо выбывшего навсегда, здесь же, под Ржевом, старого начфина.

- В бригаде на вооружении были английские "Валентайны" и "Матильды", американские М-31 и М-3С – эти машины танкисты так и называли "Братскими могилами". Вспыхивали они, как сухая солома, и весь экипаж, все семь человек, горели живьем., Союзнички – сволочами были с самого начала, им лишь бы отделаться от нас, и чтоб нашего брата побольше погибло, -- Василий Николаевич помолчал, словно виденье горящих танков проходило вновь перед его взором и отблеском, пламени ложилось на его лицо.

- Видел я и сенатора Уилки. Приезжал он к нам. Говорят, хорошо к нам относился, что-то по танкам не видно было...

После взятия Ржева бригада с боями дошла до белорусской реки Прони. Уже не казалось Василию Николаевичу, что каждый снаряд в штаб бригады летит, лично ему в голову. Уже погиб бывший солдат первой мировой войны, сельский учитель, подполковник Овчинников Тимофей Васильевич, подтрунивавший над штатскими страхами сослуживцев, объясняя, что если увидели в вышине облачко – разорвалась шрапнель, если услышали вой – не по нам, и нечего бояться. Не было многих, с кем начинал Василий Николаевич в бригаде осенью сорок второго. А война не шутила, расставляя свои ловушки. Как-то ночью, при одной из перебросок по разъезженным дорогам Белоруссии, грузовик, в котором ехал капитан Миляев, наскочил на противотанковую мину.

- Напоролись на мину – один криком кричит, мы ещё удивились, вроде крови нет, а потом оказалось, ему позвоночник повредило, второй за глаза держится, шофера метров на десять из кабины выбросило, ничего, целёхонек остался. А мы, трое, в кузове, отделались ушибами и царапинами. Отнесли раненого в сторону, перевязали, а потом увидели, машины какие-то идут

обратно, с ними отправили пострадавших в госпиталь. Сами на той же плащ-палатке, что раненого носили, на обочине спать легли – куда в ночь идти. По утренней зорьке встали, палатку подняли, аж волосы на голове зашевелились: на другой противотанковой мине лежали!..

До Могилёва бригада не дошла, отправили на пополнение в Нарофоминск, где она получила опять американские СУ-57. Борта бронированные, а так, коробка - коробкой на собственном ходу.

Из Нарофоминска бригаду перебросили в Луцк. Оттуда она начала свой дальнейший путь, через Сокаль, Томашув на Ярославль-на-Сане, а там уже шли советские люди по польской земле, неся полякам счастье жить в свободной мирной Польше.

-- Простые люди встречали нас очень радушно, в Здолбунове встретились с польскими частями. С бригадой был Василий Николаевич и на знаменито-кровавом Сандомирском плацдарме. В октябре сорок четвертого новое назначение, в 265 гвардейский миномётный полк, I гвардейской танковой армии, возглавляемой легендарным генералом Катуковым. Весь боевой путь, от Вислы до Одера и оттуда, по Одера до Балтики, а потом по побережью до Гдыни, проделал со своим полком в составе армии Василий Николаевич. Из Польши армию вновь перебросили на Берлинское направление.

И помнит Василий Николаевич, как крутили самокрутки с товарищами под указателем "До Берлина 120 километров". Ещё было сто двадцать километров пота, крови и вдовьих слез. Потом была знаменитая ночная атака танков при свете прожекторов и рёве сирен, бои на подступах к столице фашизма, в пригородах. А перед тем, как увидеть первого мая тысяча девятьсот сорок пятого грязно-зеленую нескончаемую змею – колонну сдающихся солдат берлинского гарнизона, Василий Николаевич узнал, что в марте погибли его сослуживцы по танковой бригаде. Налетела на штаб одна из кочующих группировок, прорывающаяся к союзникам...

- Был у самого рейхстага, посмотрел на их логово. Брали его "сталинградцы", а мы только поддерживали их огнем...

Вот и наступил для Василия Николаевича и миллионов людей долгожданный день. Наступил так, как свершается всё великое, поначалу не осознанное, буднично и просто.

- Мы уже в брошенных домах расположились. Спал я. Рано утром врывается в комнату парторг полка Вильдишев Василий Яковлевич и как оглашенный кричит: "Победа!!! Победа!!!" Выпили на радостях сухого трофейного вина, его много было везде. Словом, отметили...

Победа пришла, а люди продолжали умирать, словно сама сущность войны, не смирившись с тем, что побеждена, продолжала стрелять.

- В мою обязанность входило оформлять ежедневно документы на погибших, и в этот день мне пришлось этим заниматься. Четыре офицера нашего полка ехали в машине через площадь, их обстреляли, раненый водитель привез в санбат уже мертвых. Погибли замполиты первого и второго дивизионов Спирихин Исая Николаевич и Старинский Захар Александрович, командир батальона охранения Истомин Валифантий Гаврилович и военфельдшер Гордоделов Володя. У трех дети остались, а этот – совсем молодой парнишка.

Это были самые горькие жертвы войны. Тяжело, невозможно примириться со смертью даже на войне, но и в первый день мира, когда, казалось, само понятие "смерть" – кощунство, когда всё чёрное, античеловечное должно было уступить дорогу, ещё лилась кровь. Тем горше и

тяжелее были утраты.

Вечером стихийно начался салют, и минут двадцать гремели очереди, бухали одиночные выстрелы, сливаясь в одну сплошную приветственную овацию наступившему миру. Разрядил в воздух свой наган и майор Миляев, думал, что теперь ему, сугубо штатско-му человеку, ни к чему боевые патроны, что поедет он на родную уральскую сторону, где прошло детство, юность, где было счастье.

К истосковавшейся жене, к дочкам, вернется к той довоенной жизни, по которой истосковался, где были заботы о плане, о дровах, сене, о новой обуви дочерям. – Старшая уже невестой стала.

В июне демобилизовали солдат старших возрастов, потом и пожилых офицеров из строевых частей. Ждал своего часа и Василий Николаевич и обнадёживал в письмах семью. Ждал месяц, два, три, полгода, но пришёл приказ об оставлении майора Миляева В.Н. в кадрах и направлении его на учебу. А из Кшптыма шли письма, в них и мольбы, и слезы, и нерадостные вести.

– Я растерялся, мне уж сорок один, какая тут учеба. Я с рапортом к командиру полка. Он меня вразумляет, рапорт не берет, а потом вошёл в положение, говорит: "Знаешь, обратись через головы наши к Георгию Константиновичу, как к депутату Верховного Совета от группы войск, расквартированных в Германии"...

И написал Василий Николаевич маршалу Жукову. Указал и семейное положение, и то, что до войны ни одного дня не был в армии, и что, как человек, имеющий дефицитную мирную специальность плановика, будет полезен и на родине, где война сказалась не менее тяжело.

Двадцать шестого мая сорок шестого года Василий Николаевич вернулся домой, а через некоторое время стал работать на строительстве. Он опять был там, где было надо, где было трудно, где и в мирные дни было фронтовое напряжение.

Задумчиво смотрит вслед правнукам восьмидесятилетний Василий Николаевич, смотрит из трудной, но достойно прожитой жизни, и словно видит за плечами мальчишек не яркие ранцы, а само будущее, для которого работал, воевал и жил.

Сергей Сиротин

Категория:

[Краеведение](#) [1]

Source URL: <http://46.45.32.78:8080/news/velikoy-pobede-65-sugubo-shtatskiy-chelovek>

Ссылки

[1] <http://46.45.32.78:8080/mmc/kraevedenie>